

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ ОТ ДРАКОНОВ И ОБОРОТНЕЙ ДО ЗЕЛИЙ И ЗАЩИТЫ ОТ ТЕМНЫХ СИЛ

ФИЛИПП МАТЫШАК

18+

МИФ Культура

Филипп Матышак

**Древняя магия. От драконов
и оборотней до зелий и
защиты от темных сил**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2019

УДК 255.2
ББК 63.3(0)32

Матышак Ф.

Древняя магия. От драконов и оборотней до зелий и защиты от темных сил / Ф. Матышак — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2019 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00169-198-3

Филипп Матышак рассказывает об истории магии в античном мире, опираясь на многочисленные и разнообразные источники, от греческих драм до табличек с проклятиями. Богато иллюстрированная, полная интереснейших и подчас неожиданных сведений, эта книга представляет собой увлекательный и доступный каждому способ прикоснуться к сверхъестественному. На русском языке публикуется впервые.

УДК 255.2
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-00169-198-3

© Матышак Ф., 2019
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2019

Содержание

Введение. В мире древней магии	7
Глава 1. Νεκρομαντεία. Беседы с мертвыми	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Филипп Матышак
Древняя магия. От драконов и оборотней
до зелий и защиты от темных сил

Оригинальное название

Ancient Magic: A Practitioner's Guide to the Supernatural in Greece and Rome

Научный редактор Павел Евдокимов

Издано с разрешения THAMES & HUDSON LIMITED

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London

Ancient Magic © 2019 Thames & Hudson Ltd, London

Текст © 2019 Philip Matyszak

© Перевод, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Меркурий (Гермес) Трисмегист, «рожденный великим Юпитером, одаренный силой божественного разума, ведающий тайны небес»

Chronicle / Alamy Stock Photo

Введение. В мире древней магии

Чтобы постичь тайны античной магии, для начала забудьте слово «сверхъестественное». В древности такого понятия не существовало. Не потому, что в мире тогда не хватало волшебства, а потому, что волшебство встречалось на каждом шагу. Древний мир был «нуминозным» – «исполненным божественной силы». Чудеса творила сама природа. Цветы загадочным образом превращались в плоды, а гусеницы – в бабочек. Тучи несли в себе магическую энергию, способную уничтожить целый дом одной метко выпущенной молнией. Естественное и было сверхъестественным. Для древних греков и римлян «колдовать» значило использовать мощь природы в собственных целях.

Вы сами могли явить миру чудо – например, закопать в землю желудь и превратить его в дуб, подчинив себе силу воды и времени. Если вдуматься, сотворением величественного дуба (да еще и с дриадой в комплекте) может похвастаться любой чародей.

Разумеется, некоторые магические действия требовали знаний и соблюдения сложных формул и ритуалов. Гарантий успеха не было – но ведь все то же самое относится и к выпечке хлеба. Наши предки не знали, что такое дрожжи, однако могли с их помощью создать аппетитный каравай. Хотите навести чары или испечь булку? Порядок действий один: собрать ингредиенты, смешать их строго определенным образом, а затем терпеливо ждать, пока вещества, о которых вы знаете очень мало, не вступят в реакцию, о которой вы не знаете совсем ничего. Неважно, кого или что вы пытаетесь призвать на помощь – молочнокислые бактерии или хтонический дух Гермеса Трисмегиста (Трижды Великого); в обоих случаях вы работаете с магическими субстанциями.

В древнем мире волшебных существ было очень много – в любом саду по десятку. В каждом дереве жила дриада, в каждом источнике – нимфа, а в прибрежных волнах резвились nereиды. И это если не считать волшебных животных, которые в наши дни признаны вполне обыкновенными: дятлов, куниц, волков. У каждого уголка был собственный *genius loci* («гений места») – дух-покровитель, создававший для него неповторимую атмосферу. Чародействовать означало работать именно с такими силами – невидимыми и загадочными, но вполне реальными.

Итак, прежде всего необходимо забыть о «сверхъестественном». Однако, чтобы понять, что такое магия древности, нам придется еще много чего выбросить из головы. В нашем мире – особенно на Западе – религия уже давно присвоила исключительное право на взаимодействие с невидимыми силами и субстанциями. В древности такой монополии не существовало. Религиозный институт спонсировался государством, а вера воспринималась как гражданский долг каждого человека; задача религии состояла в том, чтобы поддерживать мир между людьми и богами. Мифология же очеловечивала богов и объясняла, как возникла Вселенная и как она устроена. А кроме того, была еще магия, которой пользовались самые обычные люди, чтобы напрямую взаимодействовать с незримыми силами.

Нереида верхом на ketos (морском чудище)
Museo Archeologico, Taranto

Аконит, или волчий корень. Он убивает не только волков...

Eduard Winkler, Sämmtliche Giftgewächse Deutschlands, Leipzig, 1854

В этом мире боги – как и люди – существовали во времени и пространстве; здесь смертный мог не только поговорить с духом или божеством, но и сам стать богом. Иными словами, вообразите место, где возможно все. Именно таким был волшебный мир древности.

Подобная картина мира не столь нелепа, как кажется на первый взгляд. Современные ученые, которые развивают теорию хаоса и исследуют квантовые эффекты, полагают, что далеко не всё в нашем мире предсказуемо и познаваемо, а реальность, вероятно, на самом деле совсем не такая, какой ее воспринимаем мы. В этой книге представлена ее альтернативная версия – мир, где можно сварить любовное зелье, наслать порчу или поговорить с усопшими.

Мы с вами разберемся, например, как распознавать злых духов и избавляться от них, а также отгонять от дома вампиров и оборотней.

Однако хотелось бы сразу предупредить: если вы знаете, как что-то сделать, необязательно это что-то сразу делать. Римляне без разбору убивали всех, у кого в саду рос аконит, и не слушали никаких оправданий – ведь из него даже ребенок мог добыть смертельный яд. Наши предки были скоры на суд – и на расправу – над теми, кого подозревали в запретной ворожбе. Не потому, что не понимали «сверхъестественного» или боялись его, а потому, что подобные действия несут вред, они опасны и должны пресекаться на корню.

Это верно и сегодня. В большинстве современных стран не запрещается объявлять себя ведьмой или магом. Но некоторые области чародейского ремесла по-прежнему вне закона и опасны для самого чародея и окружающих. К примеру, в этой книге рассказывается, как древние греки и римляне вызывали демонов и прочих духов Подземного царства; однако повторять ритуал в домашних условиях крайне нежелательно. В лучшем случае ваш опыт окажется неудачным и вы только зря потратите время и несколько ведер овечьей крови. В худшем случае у вас все получится.

Глава 1. Некроμαντεία. Беседы с мертвыми

*Для вопрошания мертвеца возьми листок льна и напиши на нем двенадцать букв: AZEL BALEMACH¹. Чернила надобно сделать из красной охры, свежего сока горькой полыни [*Artemisia absinthium*], жженой мирры, вечнозеленой хвои и льна. Начертай означенные письма и положи листок в рот [покойного].*

PGM. IV (заклинания Питиса Фессалийского, 2140-2144)²

В сущности, говорить с мертвыми может любой, было бы желание. Сложность состоит в том, чтобы добиться от них ответа. Для этого нужны особые навыки или же помощь того, кто ими обладает, – специалиста, способного раздвинуть завесу между царством жизни и царством смерти и призвать дух почившего обратно в наш мир. Такой специалист называется некромантом.

Некромантия в древности была распространенной формой ворожбы, и прибегать к ней не считалось чем-то зазорным – если это делали знающие люди по проверенной методике. Мы с вами, к примеру, изучим способ общения с покойными, который испробовал не кто иной, как легендарный герой Одиссей. Основы ритуала были заложены древними вавилонянами и персами (персидских некромантов называли еще «магами» или *песуомантеис*) и с энтузиазмом подхвачены греками и римлянами.

Сейчас некромантия считается темным искусством – не в последнюю очередь потому, что строго запрещена Библией: «Не должен находиться у тебя... обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это»³. Впрочем, ничто не помешало царю Саулу обратиться к аэндорской волшебнице с просьбой вызвать дух пророка Самуила; однако Самуил, явившись, устроил царю отменную выволочку⁴. Из-за библейского запрета некромантию стали относить к черной магии – в особенности те ее формы, которые якобы практиковали римские патриции, приносившие в жертву богам мальчиков или юношей: «Ты тайно начал совершать кощунственные жертвоприношения и завел обычай вызывать духов из подземного царства, ублажая их внутренностями зарезанных мальчиков»⁵.

¹ Пишите помельче – длина даже самого крупного листа льна не превышает четырех сантиметров.

² PGM (Papyri Graecae Magicae): здесь и далее так обозначается издание греческих магических папирусов (см. [список литературы](#)).

³ Второзаконие 18:10-12.

⁴ 1-я Царств 28:3.

⁵ Цицерон. Речь против Ватиния. 14.

Танатос (Смерть) и Гипнос (Сон) уносят тело греческого героя Сарпедона, а дух павшего
воина витает между ними
Metropolitan Museum of Art, New York

Дух пророка Самуила сообщает царю Саулу, что тот вскоре последует за ним
Wellcome Images

Аэндорская волшебница-некромантка

Когда Саул, царь израильский, пожелал узнать, как одолеть филистимлян, чародеи и прорицатели не сумели ему помочь. В отчаянии Саул попросил известную волшебницу вызвать дух пророка Самуила.

Тогда женищина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне.

И увидела женищина Самуила и громко вскрикнула; и обратилась женищина к Саулу, говоря: «Зачем ты обманул меня? Ты Саул».

И сказал ей царь: «Не бойся; [скажи,] что ты видишь?» И отвечала женищина: «Вижу как бы бога, выходящего из земли».

«Какой он видом?» – спросил у нее Саул. Она сказала: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду». Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился.

1-я Царств 28:11-14

Разгневанный Самуил объявил Саулу, что на следующий же день тот погибнет вместе со всем своим войском, – и пророчество сбылось.

Разговаривать с мертвыми непросто, и даже вполне «респектабельные» обряды становятся сложнее по мере того, как усопший отдаляется от мира живых во времени и пространстве. Обратиться к покойному проще всего сразу после смерти при наличии тела. Отложите беседу на чересчур долгий срок, и она может вообще не состояться по ряду веских причин – главным образом потому, что мертвец перестанет быть мертвым.

Чтобы понять, почему покойный недолго остается покойным, надо ответить на принципиальный вопрос: кто такие мертвые? Говорить, что «мертвый – это тот, кто не жив», означает чересчур упрощать. Мы все примерно одинаково представляем себе, каково быть живым; однако по поводу того, что происходит после смерти, единого мнения не существует. Возможно, усопшие – бесплотные духи, обитающие в ином, далеком от нас мире? Или сгустки энергии, прикованные к месту и обстоятельствам своей кончины? Или мирные, потихоньку оседающие холмики? Пока это не установлено, ни один некромант не сможет приступить к делу. Трудно вести беседу, если сам не знаешь, с кем – или с чем – разговариваешь.

С точки зрения древнего грека или римлянина, состояние смерти – естественное для человека. Говорить с духами умерших стоит хотя бы потому, что они существуют вне времени; будущее они видят столь же ясно, как и прошлое, а значит, любой покойник – ценный «контакт» для того, кто желает узнать свою земную судьбу. Человек в целом бессмертен и несокрушим, как бог. Тело может погибнуть (и часто погибает), однако живущий в нем дух уничтожить нельзя. В каждую эпоху большая часть рода человеческого обитает среди теней, в Подземном царстве. Вот почему бог Аид, властелин царства мертвых, зовется еще и Плутон, что означает «повелитель многих». Поскольку дух бессмертен, худшее, что боги могут сотворить с человеком, – сделать его жизнь (насколько здесь применимо такое понятие) максимально тяжелой. Вот откуда взялись мифические сюжеты о мучениях Сизифа и Тантала. За попытку обмануть богов Сизиф приговорен к тому, чтобы вечно катить камень в гору; едва он приближается к вершине, как камень срывается вниз. Тантал, накормивший богов человеческой плотью, обречен терпеть муки: видеть перед собой питье и пищу, но не иметь возможности до них дотянуться.

Потусторонняя идиллия: по Стиксу в лодке плывет Харон, на заднем плане восседают Аид и Персефона, в углу сидит Цербер
Photo 12 / UIG / Getty Images

Однако такие случаи – скорее исключение. По большей части карой за прижизненные грехи служат долгие, длинной в вечность, сожаления. Античные мудрецы много спорили о том, что и как чувствуют души умерших; однако в целом все соглашались, что, по сравнению с миром живых, Подземное царство – серая, бесплодная пустыня. Как же может быть иначе? Античная философия учит, что земная жизнь проходит в постоянном эмоциональном напря-

жении. Человека одолевают страсти, разрывают противоречивые стремления и желания, терзают голод и боль – как физические, так и душевные. Вечность, проведенная в таких условиях, кого угодно лишит рассудка. Именно поэтому после смерти люди отправляются в Подземное царство – место, где царит спокойствие и бесстрастность, по ту сторону реки Стикс. Там, вне времени, буйство человеческих эмоций понемногу сходит на нет, и дух получает возможность разобраться, что пошло так или не так в его прошлой жизни и как прожить лучше следующую.

А следующая обязательно будет. После некоторого периода размышлений дух попадает в ту область Подземного царства, где течет речка под названием Лета. Неподалеку от берега находится пещера, а в ней – описания будущих жизней. Такое описание называется жребием. Здесь вы сами выбираете для себя участь: короткую жизнь, полную мучений и духовных поисков, или, скажем, бессмысленную жизнь повесы-миллионера. Затем вы пьете из Леты – ее воды даруют мгновенное забвение. Теперь вы можете родиться заново и пройти выбранный путь.

*Медленно Лета текла перед мирной обителью этой,
Там без числа витали кругом племена и народы.
Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору
Пчелы с цветка на цветок летают и выются вокруг
белых
Лилий, и поле вокруг оглашается громким гуденьем.
Видит все это Эней – и объемлет ужас героя;
Что за река там течет – в неведение он вопрошает, –
Что за люди над ней такой теснятся толпою.
Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь души,
которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой летейской
Пьют забвенье они в уносящем заботы потоке...»*

Вергилий. Энеида. Книга VI. 705-715⁶

Разумеется, после того как дух рождается в новом теле, некромант уже не сможет до него достучаться. Какой смысл вызывать тень Клеопатры, если она теперь Дорис Смит из городка Фишгейт? Она уже ничего не помнит о своем прошлом (да и вообще, некромантия по определению неприменима к живым). Те духи, что попали в Элизий и перешли на иной уровень бытия, тоже находятся «вне зоны приема».

Даже если некромант максимально сузит круг доступных мертвых, ему придется хорошо подумать над тем, к кому обращаться. Вопросать тень афинского крестьянина о будущем Великобритании примерно так же целесообразно, как выпытывать историю шумеро-аккадской цивилизации у двухлетнего ребенка. Вызвать конкретного духа тоже не так уж просто – гораздо сложнее, чем обратиться к мертвым вообще. Здесь нужна особая процедура.

Одиссей и Тиресий

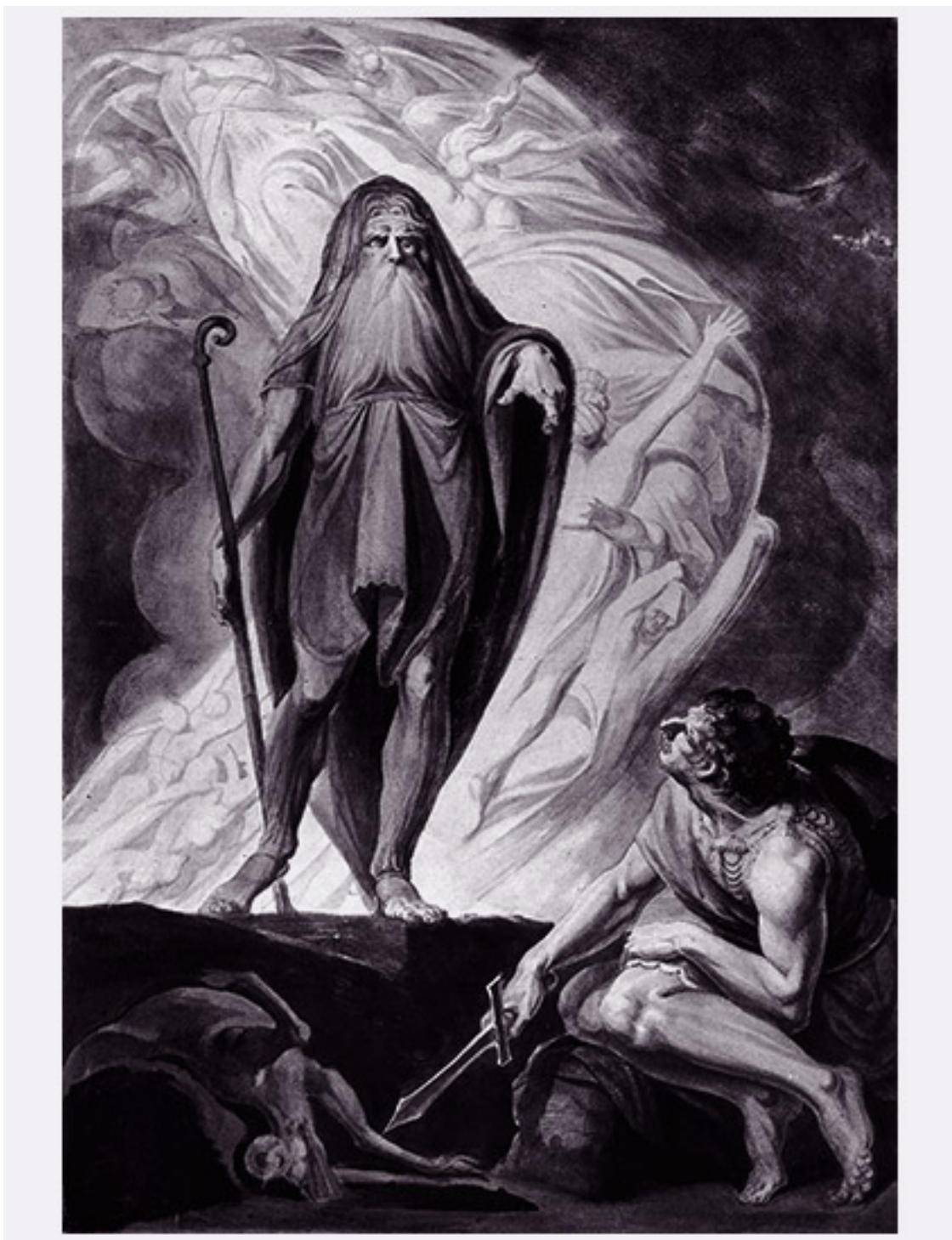
Ниже описан ритуал вызова духа от лица того, кто этот ритуал проводил. Он взят из «Одиссеи» Гомера. (Пусть читатель сам решит, насколько грамотно был совершен обряд. Важно отметить, что современные ученые считают кое-какие строки позднейшими вставками.) Отправляясь в долгий и опасный путь, Одиссей, конечно же, искал совета, который помог бы ему избежать гибели. Некромантии его обучила колдунья Цирцея, знаменитая умением пре-

⁶ Здесь и далее источники цитируются по переводам, перечисленным на с. 216, если не указано иное. *Прим. ред.*

вращать людей в животных; эти ее чары испробовали на себе спутники Одиссея (см. [ниже](#)). Сам же Одиссей хотел поговорить с неким Тиресием, поскольку тот еще при жизни, невзирая на слепоту, славился умением заглядывать в будущее. Несомненно, смерть только добавила ему волшебной силы.

*К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана,
Двинулись вдоль по теченью реки Океана, покуда
К месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея.
Жертвенный скот я держать Тримеду велел с
Еврилохом,
Сам же, медный отточенный меч свой извлекши из
ножен,
Выкопал яму. Была шириной и длиной она в локоть.
Всем мертвецам возлиянье свершил я над этою ямой –
Раньше медовым напитком, потом – вином
медосладким
И напоследок – водой. И ячной посыпал мукою.
Главам бессильных умерших молитву вознес я с
обетом,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в
стаде,
В жертву принести им и много в костер
драгоценностей бросить,
Старцу ж Тиресию – в жертву принести одному лишь,
отдельно,
Черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.
Давши обет и почтивши молитвами племя умерших,
Взял я барана с овцой и над самою ямой зарезал.
Черная кровь полилась. Покинувши недра Эреба,
К яме слетелись души людей, распрощавшихся с
жизнью.
<...>
Все это множество мертвых слетелось на кровь
отовсюду
С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас.
Тотчас же
Я приказание бывшим со мною товарищам отдал,
Что б со скота, что лежал зарезанный гибельной
медью,
Шкуры содрали, а туши сожгли и молились бы жарко
Мощному богу Аиду и Персефоне ужасной.
Сам же я, вытащив меч медноострый и севши у ямы,
Не позволял ни одной из бессильных теней
приближаться
К крови, покуда ответа не дал на вопросы Тиресий.*

Гомер. Одиссея. XI. 20–50

Неприкаянные духи мечутся на заднем плане, пока Одиссей советуется с Тиресием
Albertina, Wien

В этом описании примечательны три момента. Во-первых, похоже, что для обряда годилось не каждое место. Лучше всего подходило то, где завеса, отделявшая мир живых от царства мертвых, была особенно тонка. Поле, где недавно прошла битва, отвечало этому требованию; другие возможности мы рассмотрим позже (см. [ниже](#)).

Во-вторых, немаловажную роль в обряде играла кровь. Здесь вместе с ней упомянута ячная (то есть белая ячменная) мука – вероятно, та самая *mol*, которую древние римляне обычно использовали при жертвоприношениях. Насколько можно судить, кровь часто фигу-

рировала в классических некромантических обрядах – наши предки считали, что именно она дарует жизнь. Следовательно, напившись кровью, мертвецы временно оживали; очевидно, этого они и жаждали, ведь поначалу на вызов Одиссея слетелись полчища незваных теней. Вероятно, кровь нужна была и для самого общения – Одиссей нарочно не подпускал к жертве ни единого духа, кроме своего недавно почившего и еще не погребенного друга Ельпенора. Застрявший между двумя мирами Ельпенор мог вступить в беседу и не отведав крови.

В-третьих, появление сонма духов показывает, что Одиссей не мог сам призвать кого-то конкретного. Некоторые духи явились потому, что были лично связаны с героем, но многих других просто приманила кровь. «Женщины, юноши, старцы, немало выдавшие горя, / Нежные девушки, горе познавшие только впервые, / Множество павших в жестоких сраженьях мужей», – их всех Одиссею пришлось отгонять мечом от ямы с кровью. Когда Тиресий высказал свое пророчество, Одиссей спросил, как бы ему теперь пообщаться с одной из теней, что ждет в отдалении.

*Вижу я тут пред собою скончавшейся матери душу.
Молча она возле крови сидит и как будто не смеет
Сыну в лицо посмотреть и завести разговор с ним.
Скажи же,
Как это сделать, владыка, чтоб мать моя сына
узнала?*

Гомер. Одиссея. XI. 141–144⁷

Тиресий охотно ему подсказал:

*Тот из простиавшихся с жизнью умерших, кому ты
позволишь
К крови приблизиться, станет рассказывать все, что
ни спросишь.
Тот же, кому подойти запретишь, удалится обратно.*

Затем дух Тиресия вернулся в Аид, а Одиссей стал ждать, пока призрак матери приблизится к нему и выпьет крови. Отведав ее, мать сразу же узнала сына и заговорила с ним ласковым тоном. Одиссей попытался ее обнять, но понял, что это невозможно. Опечалившись, он спросил:

*Мать, что бежишь ты, как только тебя я схватить
собираюсь,
Чтоб и в жилище Аида, обнявши друг друга руками,
Оба с тобою могли насладиться мы горестным
плачем?
Иль это призрак послала преславная Персефонея
Лишь для того, чтоб мое усугубить великое горе?*

Мать объяснила ему, что дело вовсе не в коварстве Персефоны, супруги Аида, а в участи каждого смертного:

⁷ Далее цитируются строки 147–223, песнь XI.

*В нем сухожильями больше не связано мясо с костями;
Все пожирает горящего пламени мощная сила,
Только лишь белые кости покинутся духом; душа же,
Вылетев, как сновиденье, туда и сюда запорхает.*

Затем, пока кровь не утратила магической силы, Одиссей весьма обстоятельно побеседовал с женами и дочерьми «давно уж умерших героев». По какой-то причине он говорил только с женщинами и не стал ни с кем делиться услышанным. Видимо, некоторые секреты лучше держать при себе.

Женщина оживляет умершего сына

Этот «незатейливый» некромантический обряд описан в «Эфиопике» – романе греческого сочинителя Гелиодора, жившего в III или IV веке н. э. Женщина, которая его совершает, в тексте названа просто «старухой из Бессы»; увы, ворожба приводит ее к гибели. Однако нам интересны не столько последствия ритуала, сколько он сам и его очевидное сходство с обрядом Одиссея (впрочем, колдунье из Бессы было намного легче – в ее распоряжении имелся свежий труп).

Старуха, в уверенности, что никто ей не помешает и что ее никто не видит, сначала вырыла яму. Затем она зажгла костры по обе стороны и положила между ними труп сына, взяла со стоящего рядом треножника глиняную чашу и налила в яму меду. И тотчас же совершила возлияние из другой чаши молоком, а из третьей вином. После этого она бросила в яму печенье на сале, вылепленное наподобие человека, увенчав его сначала лавром и укропом. Наконец она схватила меч, беснуясь как одержимая, долго молилась, обратившись к луне, на варварском и чуждом для слуха языке, затем, взрезав себе руку, вытерла кровь веткою лавра и окропила костер. Совершив еще многое другое, она наклонилась над трупом сына и, напевая ему что-то на ухо, разбудила и заставила его тотчас встать при помощи своих чар.
Гелиодор. Эфиопика. Книга VI. 14

Колдунье удалось временно оживить сына, однако то, что он поведал скорбящей матери, привело ее в такое отчаяние, что женщина оступилась и упала грудью на копье, стоявшее неподалеку. Вскоре она скончалась, в точности исполнив предсказание покойного: «Не вернется твой сын и не спасется, ты сама не избежешь смерти от меча».

Оживление трупа

Эти отрывки взяты из «Фарсалии» Марка Аннея Лукана – намеренно шокирующей, провокационной поэмы о гражданской войне, положившей конец Римской республике⁸. Она названа в честь решающей битвы между войсками Юлия Цезаря и Гнея Помпея при греческом городе Фарсале. Лукановский образ колдуньи Эрихто, весьма сведущей в некромантии, один из самых страшных в литературе. Другим ведьмам, как правило, хватало благоразумия не погружаться в некромантию слишком глубоко. Эрихто пошла другим путем, и похоже, что тесное общение с мертвыми свело ее с ума:

⁸ Лукан. Фарсалия. Книга VI. 510–827. Пер. Л. Е. Остроумова.

*Ведьма, считая грехом злоеущую голову прятать
В доме, средь стен городских, – жила в разоренных
гробницах,
Или же, тени прогнав, занимала могилы пустые, –
В радость Эреба богам. Усопших подслушивать
сходки,
Дита все таинства знать и стигийских жилищ
сокровенных –
Вышние ей разрешили – живой. <...>
Руки ее не страшатся убийств, когда нужно ей крови,
Бьющей потоком живым из свежеразверстого горла,
И от убийств не бежит, если требуют теплого мяса,
Трепетных жаждают кишок замогильные трапезы
мертвых;
Раною чрево раскрыв, не вельнем природы, но силой
Плод исторгает она, чтоб сложить на алтарь
раскаленный.*

Пророческим даром Эрихто заинтересовался Секст Помпей, сын Помпея Великого. Он хотел узнать, чем закончилась битва между войсками его отца и армией Юлия Цезаря, и явно антиобщественное поведение колдуньи его не волновало. Эрихто согласилась встретиться с ним на поле недавней битвы при Фарсале. Чем больше мертвецов на поле брани, тем тоньше и прозрачнее завеса между миром живых и Подземным царством – ведь сквозь нее за короткое время проходит множество душ. Кроме того, в подобном месте легче найти хорошо сохранившийся труп, который сможет поведать будущее. Как пояснила клиенту Эрихто:

*Очень легко подобрать мертвеца с эмафийского поля.
Будь лишь недавно убит, – и уста неостывшие трупа
Громко начнут говорить, а коль солнце сожжет ему
тело –
Будет загробная тень бормотать невнятно для слуха.*

Важнее всего, по словам ведьмы, отыскать труп с уцелевшими легкими, ведь пробужденному покойнику надо будет дышать (не чтобы жить, а чтобы говорить). Порывшись в гряде тел и выбрав подходящее, Эрихто проткнула ему горло крюком с привязанной веревкой и потащила труп в пещеру, которую выбрала для обряда. Сам ритуал описан так:

*Прежде всего она грудь, нанеся ей свежие раны,
Кровью горячей поит; из чрева гной удаляет;
И наливает туда в изобилии лунное зелье.
Все, что природа вокруг на гибель и зло породила,
Вместе мешает она. Собаки здесь бешеной пена,
Рыси лесной требуха, позвоночник гиены свирепой...*

Затем Эрихто воззвала к Персефоне, Харону и мойрам, напомнив о принесенных им жертвах и потребовав выпустить из царства мертвых тень недавно погибшего воина. Явившись

на зов, дух поначалу не желал вселяться обратно в тело, однако угрозы ведьмы все же заставили его отринуть «смерти последний дар – невозможность смерти»:

*И вот задвигались члены,
Мышцы опять напряглись; но труп не мало-помалу,
Не постепенно встает: земля его вдруг оттолкнула,
Сразу он на ноги встал. Широко зевнул, и раскрылись
Тотчас глаза у него. На живого еще не похож он,
Вид полумертвый храня: отверделость и бледность
Остались.*

Эрихто собирает ингредиенты для зелья, за ней в ужасе наблюдает юный Помпей
Rijksmuseum, Amsterdam

Ведьма обещала, что пророчество будет подробным и ясным, однако дух поведал лишь одно – что павшие сторонники Цезаря и Помпея еще не отрешились от мирских забот и намерены продолжать битву в Подземном царстве. В итоге юный Секст не узнал о будущем ничего определенного: «Чье погребение Нил, чье – Тибра воды омоют, – / Вот в чем вопрос. <...> / Не вопрошай о судьбине своей: поведают Парки / То, чего я не скажу».

*Так будущий день предсказавши,
Труп молчаливо стоит и скорбно требует смерти.
Чары и зелья нужны, чтоб мертвец упокоился снова,
Ибо не в силах судьба вернуть себе душу людскую,
Ею уж взятую раз. Из огромной груды поленьев
Ведьма сложила костер и покойника бросила в пламя.
Воина там уложив, его покидает Эрихто,
Дав наконец умереть.*

Эта часть поэмы – вовсе не практическое руководство, а страшная история, призванная внушить читателю сладостный ужас. Добыть все ингредиенты для зелья, с помощью которого Эрихто оживила покойника, необычайно трудно (его полный рецепт вообще занимает несколько страниц). Да и сработать оно могло, пожалуй, лишь у исключительно сильной колдуньи. Конечно, есть вероятность, что Эрихто просто устроила спектакль для Секста, отчего у него сложилось неверное представление о сложности ритуала. Ясно одно: в отличие от современного мира, где спиритическими сеансами балуются многие, в древности общение с мертвыми предпочитали доверять лишь опытным профессионалам.

У обряда, который провела Эрихто, есть нечто общее с обрядом Одиссея, куда менее жутким, – например, в обоих используется кровь и придирчиво выбирается место. Подземное царство не везде граничит с царством живых, и даже самый надежный ритуал не даст результата, если проводить его там, где этой границы нет. Поле битвы – удобный портал, но еще лучше выбрать место, где два мира пересекаются естественным образом.

Порталы на тот свет

Оракул мертвых

Античное царство мертвых вполне материальное, оно столь же реально, как мир живых. Разумеется, в нем обитают духи усопших, но и живые иногда могут туда заглянуть (при исключительных обстоятельствах). Вода в надземных реках порой устремляется вниз, в Подземное царство. Три такие реки с красноречивыми названиями – это Ахерон («поток скорби»), Коцит («река стенаний») и Пирифлегетон («огненная река»). Все они сливаются воедино близ города Феспротия в греческой области Эпир. Неудивительно, что именно там располагался Некромантион, оракул мертвых. Слава Некромантиона была велика: писатель и путешественник Павсаний, живший во II веке н. э., полагал даже, что именно туда и отправился Одиссей, чтобы совершить свой знаменитый обряд. Люди бронзового века, несомненно, об этом месте уже знали: археологи обнаружили там несколько детских захоронений, датируемых XIII веком до н. э. Примерно в те же времена произошли события, описанные в «Одиссее». Однако подлинного расцвета Некромантион достиг в архаический период (800-480 годы до н. э.) – тогда к нему стекались паломники со всей Греции. Греческий историк Геродот, живший в V веке до н. э., рассказывает историю Периандра, царя Коринфа, о том, как он послал людей к оракулу:

*Он отправил ведь послов в Феспротию на реке Ахеронте спросить
оракула мертвых [о вверенном ему] в заклад имущество какого-то*

гостеприимца. Тогда явилась [тень] Мелиссы и сказала, что ни знаками, ни словами она не укажет места, где лежит добро. Она ведь совершенно нагая и мерзнет, так как ее погребальные одежды не были сожжены вместе с ней и потому она не может ими пользоваться. В доказательство правдивости своих слов она напомнила Периандру, что он положил хлебы в холодную печь. <...> Для него ответ Мелиссы был достоверным доказательством, так как он совокупился с ней уже бездыханной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.